

Дон Притц

(трезвый с 26 декабря 1967 года)

Аудиозапись этого выступления была сделана 11 августа 1998 года, в городе Аврора, штат Колорадо

Меня зовут Дон. Я алкоголик. И сегодня у меня изрядный стаж в сообществе Анонимных Алкоголиков.

Моя домашняя группа называется «группа АА». В длинной форме Третьей Традиции сказано, что «любые два или более алкоголика, собравшиеся для обретения трезвости,

могут называть себя группой АА». Мы так и делаем. Мы встречаемся в подвальном помещении исправительного центра каждую пятницу, в 6 часов утра. На наших собраниях практически не бывает «мёртвого груза»*.

Я тронут до глубины души тем, что я здесь с вами. Потому что, когда я пришёл сюда, на планете не осталось никого, кто мог бы или хотел бы поговорить со мной, кроме тюремных охранников. А сегодня у меня сложились многолетние отношения с людьми, которые здесь находятся.

Анонимные Алкоголики, для вас, новичков, - это огромная семья. Но, помните, что, как и в любой семье, здесь есть близкие и дальние родственники. Поэтому в АА так много групп. И существование каждой из них важно для того, чтобы вы могли понять, кто является вашей непосредственной семьёй. Ну, а уж потом можно тусоваться с дальними родственниками.

Вам следует знать, что я трезв без перерывов с 26 декабря 1967 года. И я говорю вам это, чтобы произвести на вас впечатление. Но не собой. Мной не надо восторгаться.

Я всего лишь старый алкаш. Вам надо радоваться тому, что если вы алкоголик, то можете больше никогда не пить. Срыв не является частью выздоровления. Вы можете сорваться... но это не обязательно.

Где-то лет 5 назад, из-за серьёзной болезни, рассказами о которой я не стану морочить вам голову, мне пришлось оставить мой дом, группу и всех, кто меня поддерживали,

и переехать из Колорадо в Северную Каролину, где они и по-английски-то толком не говорят. Я приехал туда. А у них даже АА оказалось не правильным. Я начал новую работу на новом месте, будучи больным. Постепенно я вылез из своей башки и стал частью того, что там происходило. Всё у них там оказалось в порядке. Я работник по Шагам. И я позаботился о том, чтобы выяснить причину своей неприязни к тому, что там творилось, и к тому, что заставляло меня превратиться в козла.

Когда меня что-то пугает, я становлюсь «нацистом» Большой Книги. Это моя защита. Разобрался во всём и исправил ситуацию. Занялся спонсорством нескольких людей.

Правила у меня простые. Если я становлюсь вашим спонсором, вам придётся появляться у меня дома в неудобное для вас время. Я буду читать вам Большую Книгу вслух,

как это делалось для меня, потому что точно знаю, что вы не умеете читать. И мы вместе будем делать всё, что сказано в книге, пока вы способны это выносить. Вы устанете,

а я буду продолжать дальше потому, что могу всё это вынести. А потом мы начнём ходить на собрания в тюрьмы, клиники и во многие другие места потому, что я знаю, что,

как только вы найдёте Бога, вам нужно поделиться этим с кем-то. Вам необходимо это. У вас нет выбора. И моя задача показать вам, куда мы должны идти. И так, я работал

с подспонсорными, и у меня была своя малая группа, которую я вёл до начала собрания. Я был частью происходящего. Дела на работе шли хорошо. Но духовно я умирал.

И я не мог понять, почему. Помню, как, разговаривая с одним из приятелей, я сказал: «Не понимаю, что со мной. Я ведь стал хорошим показателем для дел Божьих. В чём же дело?» Но меня учили слушать самого себя, когда я говорю. И я услышал то, что сказал: «Я стал хорошим показателем для дел Божьих». Именно в этом и была моя проблема. Моя цель не в том, чтобы демонстрировать Богу, на что я способен. Моя цель в том, чтобы дать Богу продемонстрировать через меня, что Он может сделать. Как только я разобрался в этом,

всё встало на свои места. Надеюсь, что вам не придётся блуждать, как мне, чтобы понять эту простую истину.

Я живу уже 30 лет с осознанным пониманием присутствия Бога в моей жизни. Не могу сказать об этом ничего, кроме того, что, где бы я ни был, Бог со мной. Вне всяких сомнений. Чувствую ли я себя хорошо, плохо или вообще никак – не имеет никакого значения. Он всегда со мной – это факт. И вот однажды я проснулся в 6 часов утра, а Его нет. Меня это не испугало. Не знаю почему, но не испугало. Однако у меня есть кое-какие привычки, которые я выработал: я сразу начал молиться. Это одна из привычек, которой стоит обзавестись. И молитва была простой: «Мне надо знать, что Ты здесь. Мне надо быть рядом с Тобой. Мне надо узнать тебя поближе». И вдруг зазвонил телефон. В 6 утра. Это был Билли. И он сказал: «На прошлой неделе у меня было 7 лет трезвости, но я сорвался. А у Алана было 12 лет, но он тоже сорвался. И ещё у нас в группе есть один парень, который вот-вот сорвётся... Говорят, что иногда ты собираешь людей в выходные и работаешь с ними по Большой Книге. Из того, что мне известно, те, с кем ты работал, не пьют. Ты бы мог поработать с нами?» А у меня есть ещё одна привычка - я говорю: «Конечно».

После этого разговора я продолжал молиться: «Мне надо знать, что Ты здесь. Мне надо быть рядом с Тобой...» И опять зазвонил телефон. В то утро я всё никак не мог одеться, потому что телефон продолжал звонить. А я продолжал молиться между звонками, пока до меня вдруг не дошло, что этим Он говорит мне: «Если ты хочешь узнать Меня ближе, узнай детей Моих. Если ты хочешь быть рядом со Мной, будь рядом с Моими детьми».

Видите ли, все вы – это подарок мне. И я всегда потрачу время на то, чтобы сказать вам, что люблю вас за это. С того момента, как Бог разбудил это во мне, я должен говорить

об этом людям. И вы сегодня предоставили мне такую возможность. Без вас всё это свернулось бы во мне. И тогда я бы стал омерзителен. Вы когда-нибудь встречали духовного человека, который ни с кем не делится своей духовностью? Такие люди отвратительны. Не дай Бог...

Я алкоголик, который не знал, что он алкоголик. На тот момент, когда вы нашли меня (я вас не искал; с какой стати я буду искать вас? - я же не знал, что я алкоголик!), одно

из государственных учреждений определило меня, как социопата второй степени. Я до сих пор не знаю, что это значит, но ничего хорошего в этом нет. Офицер федеральной полиции**, которому я был обязан докладывать каждые две недели в течение своего досрочного освобождения, определил, что я психопат. Врачи записали меня в маниакально-депрессивные наркоманы. А я только знал, что жутко устал. Поэтому было очень важно, что вы нашли меня. Мне бы никогда в голову не пришло искать вас. И теперь я тот алкоголик, который, являясь членом АА, вылавливает других алкашей. А самое лучшее место найти таких – это на собраниях АА. На них полно людей, которые не знают, что они алкоголики. Им сказали, что они такие, и они сами говорят, что они такие. Но они не имеют ни малейшего представления, что это значит. И поэтому они начинают сомневаться, алкоголики они или нет. А если алкоголики задумываются над этим, то в один прекрасный день они обязательно решат проверить, кто они такие. Непременно решат... и они могут погибнуть.

Давайте я расскажу вам немножко о своём алкоголизме. Первый раз из-за алкоголизма я попал в федеральную тюрьму, когда мне было 19 лет. Потому что я алкоголик,

а не потому, что я был крутым бандюгой. Я сидел в трёх тюрьмах. И не потому, что я криминальный авторитет. Настоящие гангстеры не попадают ни разу.

Когда я начинаю пить, я не могу остановиться. Я теряюсь, и не могу найти дорогу домой. А когда ты служишь в военно-морском флоте – это считается тяжким преступлением.

Я убежал из дома, когда мне было 17, потому что Денвер был для меня слишком маленьким городом. Меня выгнали из школы за прогулы. Когда я начал пить, я пропускал занятия. Пошёл служить во флоте, чтобы спасти Америку от коммунистической угрозы, и вернуться домой героем. О, как я хотел быть чьим-то героем... Вы же поминаете,

о чём я говорю. Есть даже портрет героя. Я бы вернулся издалека, после всех освободительных войн, в моей синей форме и белой бескозырке слегка набекрень. Глаза с прищуром, как у Богарта***. И я бы не спеша продефилировал по улицам, немного прихрамывая. Моя хромота подтверждалась бы пурпурной медалью**** на груди... той, которую я получил за то, что накрыл своим телом гранату, спасая остальных бойцов взвода. И, проходя мимо ребят на улице, я бы слышал, как они говорили друг другу: «Вон он идёт».

Это он! Он мой друг. Я с ним разговаривал». А дальше, проходя мимо стайки девчонок, я услышал бы тот звук, которого так жаждала моя душа - исполненный томления полувздых-полустон...

В свои 19 лет я уже сидел в федеральной тюрьме в Токио (Япония). Всё началось с того, что я выпил в Лонг-Бич (Калифорния), находясь в двадцати четырёх часовом увольнении. А 22 дня спустя я по-прежнему пьянствовал где-то в трущобах Лос-Анджелеса, и просто не мог вернуться обратно на корабль - я ещё не закончил пить. На двадцать третий день моё сумасшествие улетучилось, и я добровольно сдался военным властям. Это и есть алкоголизм. Я узнал об этом из «Мнения доктора» в книге Анонимных Алкоголиков,

где идёт речь о людях, которые работали над какой-то деловой операцией, которая в определённый день должна была решиться в их пользу. Но за день до этого они выпивали,

и важная встреча срывалась. И тогда я стал понимать, о чём идёт речь.

Я ни на секунду не сомневаюсь, что я не планировал делать всё то, что вытворял, когда пил. Одна из вещей, которая раньше бесила меня – это то, что я совершал не свойственные мне поступки. Я ведь на самом деле глубоко порядочный человек. Это единственное, чем я всегда хотел быть – бойскаутом*****. Правда, бойскаут у меня получался как-то корявый. Я из тех, кто пытался помочь вам перейти улицу прежде, чем узнать у вас, если вы вообще собирались её переходить. Я хочу получать результаты, но не платить за них.

Я вырос в семье музыкантов. Мой брат – один из самых выдающихся в мире музыкантов, играющий на синтезаторе. И я говорю это потому, что последние два года его регулярно зовут в Россию преподавать в Москве. Он востребован в скандинавских странах. В 19 лет он писал музыку со Стэном Кентоном. Он руководил армейским оркестром, когда

ему было 21. Он рос рядом по коридору от меня, в соседней комнате. Получается, что моё детство было не таким уж кошмарным.

Моя сестра, храни её Бог, ушла на пенсию с позиции члена правления корпорации IBM. Сегодня она торгует частной собственностью только для того, чтобы быть чем-то занятой. Она заработала большие деньги и нарожала чудесных детей. Теперь её дети плодят детей... Я тут недавно был на очередном семейном сборе. Вокруг бегали маленькие люди, очень похожие на меня. Но я не имел к этому отношения. У нас в семье проблема найти подходящих мужей нашим девчонкам. Потому что нынче большинство молодых ребят чокнутые. А у нас в семье, при рождении ребёнка, отношение такое: «Ой, у Притцев ещё один ребёночек! Здорово! Давайте его растить!» Видите ли, я вырос в нормальной семье. Вы уж извините. Это не значит, что у нас дома не было трудностей. Обычное человеческое состояние предполагает очень низкий болевой порог. Будь эта боль физическая, эмоциональная или психическая – для людей она трудна.

Когда я наладил свои отношения с отцом, то до меня дошла одна очень важная вещь. Дело в том, что мой отец и мой дед, в поздних 1920-х и ранних 1930-х, были во главе

Ку-Клукс-Клана штата Колорадо. У них были довольно странные понятия. Но потом у моего отца произошло духовное пробуждение, его понятия изменились, и он снял с себя мантию. Так вот я подумал, как было бы ужасно, если бы я оставил

эту мантию на нём, когда он сам уже снял её. А ведь я делал это в течение многих лет. Это часть того, что делает для нас Девятый Шаг – мы исправляем такие вещи.

Я носил подобную мантию всю свою жизнь. Что-то случилось со мной, когда мне было 6 лет. Но я такая важная личность в этой вселенной, что в 46 я по-прежнему зациклен

на том, что со мной тогда произошло. И теперь это раздуто до невероятных пропорций. Я поздоровался с вами, а вы были заняты и не ответили мне. Спустя 40 лет, – со мною

в детстве дурно обращались. Только не говорите мне, что вы такого никогда не ощущали.

Я не вписывался в свою семью. И что самое интересное, если бы сегодня мне пришлось составить список качеств семьи, в которой я бы хотел расти, получилась бы моя семья! Чтобы вы поняли, я приведу один пример того, какая любовь была у нас дома. Мой отец был уже при смерти - у него была гангрена. Но у них была 66-ая годовщина свадьбы

в субботу, и он дотянул до этой даты. Он отпраздновал её вместе со всеми. Во вторник он уже был в коме, а в четверг покинул нас. А я не вписывался. Это называется «отбивать срок». Я провёл долгое время в ожидании того, когда же, наконец, мои люди прилетят из космоса и заберут меня отсюда. Я не думал так, как думаете вы. Я не чувствовал так,

как чувствуете вы. Я рос, чувствуя себя неуместным. Когда ты смеёшься на похоронах и плачешь на хоккейных матчах, люди начинают смотреть на тебе как-то странно. А потом

я нашёл вас. И вы такие же двинутые, как я. Здесь я в своей тарелке. Я принёс весь этот бардак в алкоголизм. Я не могу винить алкоголизм в том, что я был таким. Мой алкоголизм просто сделал этот бардак приемлемым.

У меня были злые спонсоры. Они говорили мне правду. Однажды я рассказывал своему спонсору о том, что я когда-то натворил потому, что я напился. А он сказал мне:

«Это туфта. Ты приукрасил. Ты не сделал этого потому, что напился. Ты напился потому, что боялся сделать это на трезвую голову». Да... Он был абсолютно прав.

Итак, когда мне было где-то 15 или 16 лет, классы и коридоры школы были не для меня. Я шлялся с шестью никчёмными отморозками, которым тоже нигде не было места.

Мы носились, как бешенные и хулиганили, озлобленные на всех. Когда ты не вписываешься, остаётся только одна ответная реакция – ярость. Потому что ты становишься злым.

И, если вдуматься - это вполне закономерно. Поэтому мы материли всех вокруг. И подход всегда был, если я не могу быть таким, как ты, то я буду лучше тебя или ты будешь

хуже меня – одно из двух. Но, так или иначе, я буду продолжать отстраняться от тебя.

Однажды знакомый парень с военной базы купил нам бутылку виски. Мы должны были поехать за город, напиться и весело провести время. Мы понятия не имели, что это означает, но этот парень сказал, нам, что так надо сделать. И мы сделали. В

тот вечер я испытал то, что можно найти в книге «Анонимные Алкоголики», - описанное Карлом Юнгом духовное пробуждение: *«Мысли, эмоции, духовные ценности, которые когда-то играли ведущую роль в жизни этих людей, вдруг неожиданно отодвигаются на второй план, и совершенно новые представления и мотивы поведения начинают довлеть над ними»*. Выпив, я изменился. Я не почувствовал себя лучше. Я стал другим. В начале этого вечера я был злой, испуганный, маленький и некрасивый, Стоило мне выпить пару стаканов... и у меня появились планы. Если вы понимаете, о чём я говорю – значит, я в правильном месте. Неалкоголики не поймут, о чём я говорю.

Был у нас в классе один пацан, который плохо ко мне относился. Я смирился с тем, что я трус и позволял ему измываться надо мной. А теперь, вдруг, я собрался встретиться

с ним на площадке, где собиралась молодёжь, и наломать ему хорошёнько при всех. У меня не было мелких планов. И нет сомнений - я мог бы тогда это сделать. А ещё у нас

в классе была девочка, которая относилась ко мне, как к пустому месту. Я собрался встретиться с ней. Тогда я бы мог и это сделать. Но всё, что стоит того, чтобы это делать,

стоит того, чтобы в этом переусердствовать. Если одна сработала – бери десять! Это не девиз. Это у меня в генах. Я не задумываюсь над этим. Это происходит само собой.

Бог пользуется этим. Иногда Он использует это для того, чтобы вытащить меня из кровати и отправить служить Ему. А ведь я даже идти не хотел. Тогда Он может пощекотать

моё самолюбие, и оно приведёт меня туда, где я должен быть. А Бог появляется сразу после этого. Он со мной всегда. Но порой меня надо подтолкнуть.

Я хочу дать вам кое-что сегодня, а не просто разглагольствовать тут. Я дам вам одну молитву, которая помогла мне понять определённые вещи. Видите ли, даже в самом лучшем случае, у меня во всех делах будет фигурировать какая-то личная выгода. Я ничего не могу с этим поделать. Для меня духовная жизнь - это *предусмотрительная личная выгода*.

Я наконец-то понял, что для меня самый *лучший способ получить то, что я хочу, это позаботиться о том, чтобы вы получили то, что вы хотите*.

Это и есть предусмотрительная личная выгода. Это не всё, из чего состоит духовная жизнь, но это хорошая база для неё.

Так что иногда по утрам я просыпаюсь и знаю, что у Бога есть для меня работа, а я не хочу её делать. Я хочу поваляться в кровати, как маленький мальчик. Я устал и не хочу сегодня заниматься этими делами. Ты меня гоняешь уже десять лет. Сил моих больше нет. Дай мне отдохнуть... Он позволяет мне с Ним так разговаривать. И со временем

я научился говорить: «Я не хочу это делать сегодня. Очень не хочу. Но за всё то, что Ты сделал для меня, я пойду и сделаю это для Тебя». И я меняюсь. Так что если вы когда-нибудь окажетесь в такой ситуации - попробуйте делать то, что делаю я. Может для вас это не сработает, но для меня это срабатывает всегда.

А в тот вечер я так и не набил морду своему обидчику потому, что выпил слишком много и чуть не умер от алкогольного отравления. Вместо триумфа в драке и прогулки

с хорошенькой девочкой, все, кто собрались тогда на площадке видели, как мои друзья тащили меня к машине, пока я продолжал блевать. Теперь вы знаете, как я пил –

всегда слишком много. Всегда больше, чем выпивали нормальные люди.

Если бы моя жена когда-нибудь выпила столько, что её бы вырвало – она бы больше никогда в жизни не притронулась к алкоголю. Но у меня это в крови. Случалось, что я пил

и пора было остановиться потому, что все органы в моём теле заявляли: «Если ты выпьешь ещё один глоток, мы сдохнем!» И тогда я засовывал пальцы себе в глотку, чтобы освободить место. Потому что я ещё не закончил бухать. Это уходит далеко за пределы эффекта, который даёт алкоголь. Это алкоголизм. Китайцы описали это с абсолютной точностью: *«Сначала человек поглощает алкоголь; потом алкоголь поглощает человека»*. Алкоголизм – это алкоголь, поглощающий алкоголь. И в этом у меня нет никакой свободы выбора. Я алкоголик. Если вы такие же, у меня для вас есть хорошая новость – вы обречены. Это не лечится. И по сей день, несмотря на то, что мы сумели отправить человека на Луну, у нас нет никаких средств, чтобы, когда я выпью, остановить моё внутреннее требование: «Ещё!! Давай!! Сейчас!!»

Больше всего на свете я хотел быть хорошим отцом и хорошим мужем. И я не смог. Я наделал детей. Это просто. Но только когда я закончил свою инвентаризацию секса, выяснилось, что мне просто повезло. Ведь я не имел ни малейшего представления о том, что делал. Мужики, пора признаться!.. Я узнал о женщинах от мужчин. А они ничего

не знают о женщинах. И как же после этого я могу выстраивать хорошие отношения? Ну, серьёзно... Я наконец-то поумнел - стал узнавать о женщинах от женщины.

Я женат на ней уже 22 года, и мы ни разу не поссорились. Я клянусь вам. Так или иначе, она права в большинстве случаев. Она считает, что я самое очаровательное существо, которое она когда-либо встречала. Я согласен с ней.

Я старался, как мог вести себя нормально, обеспечивать свою семью и быть хорошим отцом. Я действительно прикладывал все усилия.

Пока я не протрезвел, у меня всегда были хорошие начинания. Я мог упасть и подняться так, что через несколько недель моё падение забывалось. Я был спринтером по жизни. Думаю, что самый большой урон, который я нанёс моей семье и всем тем, кто любили меня, заключался именно в том, что я продолжал подниматься. А у них вновь появлялась надежда: «На этот раз у него всё будет хорошо...» Но потом я опять сбивался с толку и падал. Слава Богу, настал тот день, когда я больше уже не мог подняться.

Я, признаться, расстраиваюсь, стоя здесь потому, что я так давно живу с ощущением постоянного присутствия Бога, что мне понадобятся 24 часа, чтобы рассказать вам об этом.

А у меня всего лишь час. И одна из вещей, которую я хочу вам рассказать, это то, что произошло со мной с тех пор, как я умер. Рождественская неделя 1967 года оказалась

для меня финальной. Я больше не мог так продолжать. И я не протрезвел из-за правды. Я протрезвел потому, что исчерпал всю свою ложь. Надеюсь, никому из вас не понадобится заходить так далеко.

Я был досрочно освобождён из тюрьмы и находился под федеральным надзором. Я получал пособие на двоих детей, которые жили со мной, и в это же время регулярно кололся спидами. Сразу скажу, что я не наркоман. Я алкоголик, у которого походу большой опыт с наркотой. Здесь я не уделяю много времени беседам об этом. Если хотите поговорить

со мной на эту тему, давайте сделаем это в другом месте. Я не мог встать с кровати без очередной дозы. Мне нужен был укол, чтобы я мог пойти и что-нибудь украсть. Тогда мне удавалось наскрести денег, чтобы выпить и снова заснуть. Ну и может быть купить что-нибудь из еды. Такой была моя жизнь. Я весил 60 килограмм. Но при встрече я бы сказал вам: «У нас с пацанами всё хорошо. Семья в порядке». Но никакого порядка в этой семье не было. А были два мальчишки, которые жили с сумасшедшим.

Я вырос в нормальной семье и знаю, как выглядят рождественские праздники. В семье, где я рос, они именно так и выглядели. Большая ёлка. Точнее – ель из леса. Всё в украшениях, гирляндах, фонариках. Тёплые запахи яблочного сока с корицей. Горячий шоколад с пастилой. В доме много гостей. К нам всегда съезжался народ.

Люди любили моих родителей. Мой батя был уникальным кадром. Он был гением. Уровень его гениальности пытались, но так и не смогли определить. Он был за пределами

всех известных тестов. При этом он умудрялся вести себя, как простой парень. Это и делало его оригинальным. Люди обожали моих отца и мать. К ним постоянно приходили гости. А ко мне никто не пришёл на Рождество 1967-го, кроме шестнадцатилетнего мальчишки, которого я угостил наркотой. Он был моим курьером потому, что у меня уже

не было сил развезить «товар». Даже офицер полиции, который регулярно навещал меня для проверки, не приехал. Он заставил меня появиться у него. Но у нас всё в порядке.

24 декабря мы пошли прогуляться потому, что папа испытывал *беспокойство, раздражение и неудовлетворённость*. Это не описание состояния. Это стиль жизни. Поэтому мы много ходили. На этой прогулке мы нашли доллар в снегу и отправились на распродажу ёлок, поглядеть, что на него можно купить. Ёлки в этом году у нас не было потому,

что я ещё не получил чек на пособие. Добряк, который продавал ёлки, дал нам за доллар самую большую из тех, что были у него. А я, будучи алкоголиком, разумеется, взял самую большую ёлку. Я до сих пор помню эту картину: потолки у нас были 2 метра с небольшим, а ёлка была почти 3 метра. Мы украсили эту ёлку всяким мусором. Я сходил

в маленький промтоварный магазинчик на углу. Помните, что в тот момент я ненавидел весь мир. Хозяин магазина - ещё один добрый человек – дал мне в

кредит детскую рубашку и детские ковбойские сапоги для подарков моим сыновьям. Мы завернули всё это в голубое полотенце и положили под ёлкой. Именно тогда я почувствовал,

что разваливаюсь. 25-го, в день Рождества, мы пошли к моим родителям. Мне бы в голову не могло прийти не появиться у них на Рождество. Мой отец встретил нас у двери

и сказал: «Дон, прости, но твоя мать больше не хочет, чтобы ты появлялся в этом доме. Она не может продолжать смотреть, как ты гробишь себя». И моя ложь улетучилась.

Это была всегдашняя простая ложь: «Оставьте меня в покое. Я никому не делаю плохо кроме себя». И вдруг я понял, что это ложь. Я понял, какую боль я причинял людям, которых я любил, которые были рядом со мной и, конечно, моим детям. А потом самая последняя моя ложь вдруг рухнула, когда отец втихаря провёл нас в подвал. Если бы вы спросили меня в то утро, я бы сказал вам, что всем на нас наплевать, и что нас никто не любит. А он превратил это моё убеждение в ложь. После этого короткого визита я отправился домой, полон жалости к себе. А что ещё мне оставалось? Потом жалость к себе перешла в правду. А правда заключалась в том, что на тот момент у меня не было никаких причин продолжать жить. Ни одной. Я стал абсолютно бесполезным. Я уверен, что на дне всех человеческих мучений находится сознание именно этого факта –

я абсолютно бесполезен. И всё. Но мы обещаем вам здесь, что, когда вы протрезвеете, ваша жизнь станет полезной. А если вы можете быть полезны – вы можете жить.

Позвольте сказать вам о том, что пугает меня сегодня. Я вижу людей с тридцатью, тридцатью пятью и сорока годами трезвости, кончающих жизнь самоубийством. Для них пить – уже давно не вариант. Но они перестают быть полезными. И им приходится умирать. Это ужасно. Но, так как вы оказались добры по отношению ко мне, и, благодаря вам, я всё время занят, разрешите попросить вас об одолжении. Пожалуйста, займите чем-нибудь тех из нас, кто уже давно находится здесь. Потому что, если я снова стану бесполезным, то я умру. А я не хочу умирать. Знаете, как занять нас? Пригласите нас куда-нибудь! Подогрейте наше маленькое самолюбие... Мы говорим вам, новичкам, что вы нужны нам.

Это правда. Нам необходимо знать, что вы нуждаетесь в нас старожилах. Что ты думаешь по этому поводу, Дон? Если б вы знали, как я люблю этот вопрос... О, да. В тот день сила Божья начала работать в моей жизни. Я верю, что всё сводится именно к силе. *Недостаток силы – вот моя дилемма.* И я нашёл силу. Я всегда был её искателем

и всегда им буду. Я не мог больше так жить. Поэтому вечером я взял двухмесячный запас наркоты и засадил себе в вену. Потом я выпил всё спиртное, что было в доме, лёг и умер.

Я действительно верю, что умер тогда потому, что после этого дня я ни разу не выпил и не заторчал ни на чём. Мало этого, у меня даже мыслей таких не появлялось.

Но чувствовал я себя очень хреново, когда проснулся утром. Я ведь не планировал проснуться. К тому же у моих дверей стояли полицейские. Это было лишним подтверждением того, что я не умер.

Мы говорим с новичками о духовных пробуждениях, как о чём-то приятном. Не верьте этому. В рождении заново нет ничего приятного. Каждый раз, когда я просыпаюсь духовно, первая мысль, которая приходит ко мне: «Кажется, я потерял разум». И это потому, что я действительно потерял его. То, чем я пользовался до этого, исчезло. Теперь

у меня новый разум, но я не знаю, что с ним делать. Поэтому я молюсь и беседую с людьми, которые прошли по этому пути до меня. И я очень осторожен в выборе тех, с кем

я говорю. Поймите, я люблю Анонимных Алкоголиков, но Анонимные Алкоголики не сделали меня трезвым. Я был трезвым пять с половиной месяцев, прежде чем вы нашли меня. Я принадлежу к Анонимным Алкоголикам потому, что Бог привёл меня сюда, и вы показали мне, что моя жизнь может иметь смысл. Поэтому я обожаю вас и я один из вас. Но если вы думаете, что я доверю вам свою жизнь – вы с ума спятили. Я сижу на собраниях и слушаю, как вы снова и снова рассказываете, что не можете управлять своей жизнью. Так зачем же я дам вам свою? Вместе мы, может быть, справимся. И я не говорю ничего плохого про собрания. Но я видел, как собрания убивали людей. Если бы собрания работали, то все, кто на них ходят никогда бы не пили. Пожалуйста, не поймите меня превратно, без собраний мы бы все начали пить. Но речь идёт о гораздо большем, чем просто не пить. Я никогда не пообещаю кому-то только трезвость, кроме первых двух-трёх дней, когда это единственное, что имеет значение. Потому что *я алкоголик и для меня трезвость – это абсолютно невозможное состояние. Слишком уж оно болезненно.* Имеющая значение трезвость – это другое. Но обычная трезвость – отменяется. Я пил потому, что не мог выносить обычной трезвости. Помню, как я пришёл к психиатру, который хотел, чтобы я проникся своими чувствами. Я вас умоляю... Проблема в том, что, когда

я трезвый, то я проникнут всеми своими чувствами одновременно! Я не могу понять страшно мне или я радуюсь, или я на взводе... чёрт его знает. Я только знаю, что не могу этого перенести.

Итак, Бог взялся за дело. И я говорю это потому, что наблюдаю за силой. На момент, когда всё это произошло, я был условно освобождён из федеральной тюрьмы и задолжал им

5 лет за своё неблагоразумное поведение в 1966 году. У штата я проходил по девяти обвинениям, одно из которых грозило мне сроком от 3 лет до пожизненного заключения.

И областной прокурор пообещал, что будет выдвигать эти обвинения по одному, после того, как мы разберёмся с первым. Но меня это не волновало. В ту рождественскую ночь 1967 года я полностью сдался. Когда я пришёл в себя, я был в чудесном состоянии. Правда, чувствовал я себя не лучшим образом. У меня было тело, которое отказывалось умереть (пока что), и ум, который не работал (никогда). Я был готов идти куда угодно и делать, что угодно лишь бы не быть собой. Таким было моё состояние, и я не мог его объяснить.

Я прошёл детокс в денверской окружной тюрьме. Хорошее местечко для таких дел. Никогда не забуду. Шесть недель мышечных спазмов и головных болей. Это был ужасно,

но не худшее из того, что мне довелось испытать. И память об этом не сохранит мою трезвость, но, может быть, поможет мне быть хорошим спонсором. Так что если вы придёте ко мне после пяти недель мышечных спазмов и головных болей, и скажете: «Я умираю...», я могу посмотреть вам в глаза и ответить: «Пока что нет. У тебя есть ещё неделя».

Из-за моего согласия идти куда угодно, произошла удивительная вещь. В день суда мы с моим адвокатом сидели у окружного прокурора, и он сказал нам, что в беседах

с федеральными властями, которые были хорошо знакомы со мной, они пришли к выводу, что я очень болен. Я конечно согласился. Ведь я знал это уже давно. И они предложили мне, что если я соглашусь на признание своей вины в менее серьёзном обвинении, то они дадут мне от полутора до трёх лет условно, и передадут меня федералам для отправки

на лечение в госпиталь, который находится в городе Форт Ворс, штат Техас. Я сразу подписал все бумаги. Я же не идиот. Федеральный госпиталь в Техасе лучше, чем зона.

Если вы знаете что-нибудь про силу, то вам ясно, что после этого Дон должен был отправиться из Денвера в Форт Ворс. Сила штата и сила федеральных властей стали действовать. Но спустя 5 дней я оказался в общей камере тюрьмы штата Колорадо. И я помню, как сказал: «Вы не можете так со мной поступать...» Как вы понимаете, я тогда

ещё не был особо дружен с реальностью. И тогда вы нашли меня. Я не искал вас. Вы сами пришли за мной. Вы прислали троих из вас. Ваш внешний вид не был ангельским. Прямо скажем – уроды. Номера на груди. Знаете, заключённые в тюремной одежде выглядят пугающе. А улыбающиеся сидельцы просто наводят ужас. У этих ребят на лицах были улыбочки, которые как бы говорили: «Я знаю кое-что, чего ты не знаешь. И если ты не узнаешь этого сейчас, то ты можешь не дожить до конца дня». Если хотите стать хорошими спонсорами, культивируйте такую усмешку. Нас позвали и сказали, чтобы мы слушали их. Я пошёл, так как не был особо чем-то занят. И я слушал. Может быть, впервые в жизни я действительно слушал. Если вы новичок – всё что от вас требуется – пожалуйста, слушайте внимательно. Суть сводится к тому, чтобы убрать с пути всё то, что мешает мне слышать голос Божий. Необходимо стать слушателем. В основном Он говорит через вас. Потому что Он знает, если это придёт сверху, то я могу учудить что-нибудь дикое с этой информацией - я начну её интерпретировать.

Один из этих ребят встал и сказал: «Меня зовут Док. Я алкоголик. А это значит, что я бессилён перед алкоголем, и перед охраной, и перед наркотой, и вообще перед всеми обстоятельствами своей жизни. Моя жизнь стала неуправляемой. И если кто-то из вас, умников, думает, что может управлять своей жизнью, посмотрите-ка на ту награду, которую вы получили от штата за отлично выполненную работу». И я услышал его. Он продолжал: «Ваши лучшие мысли привели вас в тюрьму. Похоже, что дела у вас не ладятся».

И я опять услышал его. Это были бы жестокие слова, если бы у них не было продолжения: «Но мы можем научить вас мыслить иначе. Мы можем показать вам, как жить таким образом, чтобы ваша жизнь имела смысл для вас и для всех окружающих».

Я должен вам сказать, что сегодня многим не понятен смысл моей жизни, но мне глубоко плевать. Она имеет смысл для меня, для моей жены и для моих дочерей. Похоже,

я нравлюсь моему шефу потому, что я уже дважды подавал заявление об уходе, а он меня не отпускает. По-моему это забавно – всякий раз, когда я собираюсь уходить,

меня повышают в должности. Надеюсь, мой шеф не услышит эту запись. Видите ли, я теперь работаю в исправительной системе. Кто бы мог подумать?

Нам не разрешали сразу начать ходить на собрания АА. В пятницу вечером в тюрьме было собрание, на которое приходили люди извне. Час они вели собрание, и час его вели сидельцы. Нам запретили посещать его. Мы должны были сначала пройти подготовку, которая заключалась в том, что в течение пяти недель по выходным мы были обязаны, отказаться от развлечений во дворе тюрьмы и пройти школу 12-ти Шагов. Мы с моим дружкой Джимом пришли туда и нам сразу сказали: «Вам, новичкам, первые пять недель сказать нечего. Если бы вы знали хоть что-то, вы бы сюда не попали». И они стали читать нам вслух Большую Книгу. А потом они делились с нами своим опытом выздоровления и объясняли, что нужно делать. Так за пять недель мы сделали всё, что указано в Большой Книге. В этом деле нет определённых сроков. Это не состязание в скорости. И у меня произошла серия пробуждений. Я узнал об алкоголизме. Вы объяснили мне, что это такое. Я узнал, что у меня физическая аллергия, и странная психическая одержимость, когда дело доходит до алкоголя. Моя основная проблема сосредоточена у меня в мозгах. Так зачем я буду использовать свою голову для решения проблемы, которая в ней находится? *Проблему нельзя решить проблемой.* Решением такой проблемы является сознание Божьего присутствия, каким вы Его себе представляете. И для начала мне пришлось избавиться от всех моих представлений о Боге. Ведь я создал Бога по своему образу и подобию. Это то, что делают большинство из нас. И получился, как вы понимаете, не самый удачный Бог. Я помню, как мой спонсор разрушил все мои концепции Бога, не оставив мне ничего. И я заорал ему: «Ты хочешь, чтобы я препоручил свою жизнь пустому месту?!»

Он ответил: «А почему бы и нет? Пустое место сможет управлять твоей жизнью лучше, чем ты!» У него почему-то всегда находился ответ для меня. Он знал ещё кое-что о нас.

Он знал, что у меня есть устойчивые сомнения по поводу того, как я выгляжу. Разве это не то, что сажает нас в лужу? Я гораздо больше заинтересован тем, как я выгляжу, или, как вам кажется, я выгляжу, чем как я себя чувствую. И он знал это. Как выяснилось, меня очень беспокоило, что если я полностью препоручу свою жизнь Богу, то у Него найдётся для меня работа, которую я не захочу делать. Например, Он поставил бы меня на углу Колфакс и Бродвея раздавать людям журнал свидетелей Иеговы, и спрашивать их: «Вы хотите быть спасены?» А у меня в памяти остался образ одного старичка, занимавшегося этим, которого мне когда-

то довелось увидеть: потрёпанный коричневый костюм, коричневая шляпа и коричневые ботинки. Он выглядел – полным придурком. А я не хотел быть таким. У меня была «роскошная квартира» в камере Б-49 в колорадской штатной тюрьме... И тут мой спонсор сказал: «Ах, вот как... ну, давай поговорим об этом». Для новичков сразу объясняю – это не значит «давай *мы* поговорим об этом». Вам нечего сказать.

Правда без любви – это жестокость. Конфронтация без решения – это грубость. Но он любил меня и у него был ответ. Не промедлив и секунды, он сказал: «Дон, как ты думаешь, этот дедуля, раздающий журналы на углу Колфакс и Бродвея, завтракал сегодня там, где ему хотелось?» Я ответил: «Наверно». Он сказал: «А ты нет», и продолжил:

«Как ты думаешь, этот кадр, унижающий себя таким занятием, сам выбрал сегодня, что ему одеть?» Я ответил: «Да, скорей всего». Мой спонсор сказал: «А ты нет. И, кстати,

как ты думаешь, закончив валять дурака, он пойдёт домой?» Мне стало всё ясно. Я не мог пойти домой.

Нам обещано новое сознание в АА. И один из заветов, который нам оставила Энн Смит***** - пожалуйста, не бросайте человека, который только что пробудился; побудьте с ним какое-то время. Нельзя разбудить ребёнка и тут же уйти. Мой спонсор продолжал быть со мной и вести меня через свой опыт. Он помог мне создать базу для нового сознания, к которому привёл меня. Это просто. Это сказано другими словами в молитве Третьего Шага. *То, что есть у Бога для меня, всегда лучше чем, то, что есть у меня для себя.*

И всё. Песня спета. И я живу так уже более 30-ти лет. Я не совершенен в этом. Иногда бывает очень даже весело побыть духовным бунтарём. Одним из моих пробуждений было то, о чём, я считаю, вам следует знать. И большинство из вас знают это, но не осознают. Я потерял много времени думая, что я человек, который ищет духовных пробуждений.

И у меня, их было много. А на самом деле, *я духовное существо, которое испытывает человеческие ощущения.* А это делает меня полностью доступным для всего человеческого.

Не лезьте в это, если вы не готовы ко всем радостям, горестям и будням обыденной жизни. Потому что всё это ждёт вас в ней. Я недавно сказал своей жене: «Знаешь, это, пожалуй, самая интересная из всех планет, на которых я жил. И я даже подумываю о том, чтобы когда-нибудь вернуться сюда. Но только на этот раз уже богатым, чтобы я мог путешествовать». А моя любимая посмотрела на меня и сказала: «Ты и так уже делаешь это на деньги других людей».

Я стал пробуждаться. Маленькие пробуждения следовали одно за другим. У меня был ужасный опыт с молитвой Третьего Шага. Я вернулся в свою камеру, произнёс молитву от всей души и стал ждать знака – вспышку света или что-то в этом роде... Но ничего не произошло. Я пошёл обратно к спонсору и стал жаловаться. Так меня учили: если ты сделал то, что тебе сказал твой спонсор и не получил желаемых результатов – закатай ему скандал. Где моя вспышка, Брюс?! А он сказал мне: «Дурачок...» Для меня это уже прогресс.

Ещё утром я был #38984 потому, что моё поведение забрало у меня имя. А теперь я дурачок. Он действительно любил меня. Итак, он сказал: «Дурачок, скажи спасибо,

что у тебя не было никаких вспышек. Они были у тебя всю жизнь и чуть не убили тебя!» И мы поговорили о «вспышках», которые были у меня. Опять он был прав. Он сказал: «Бог знает, что ты не в силах вынести ещё один такой шок, учитывая состояние, в котором ты находишься». И он долго рассказывал мне, как неспешно и мягко они происходили у него.

Если вы придёте ко мне, мы уделим много времени проработке технических аспектов программы, но основную часть времени я потрачу на то, чтобы рассказать вам, как бережно ко мне отнёсся Бог. Он никогда не проверяет меня. А я проверяю Его всё время. И я рекомендую это. Он никогда, никогда не орёт на меня. Я слышал от людей, что им кажется, будто Бог бьёт их палкой по голове. Мне искренне жаль их. Со мной Он говорит так тихо, что мой ум должен быть чист, чтобы я мог услышать Его голос. И обычно я слышу: «Вот, что ты упустил, сынок...»

Видите ли, смысл в том, чтобы я не был отделён от Бога и от вас. Для этого и существуют Шаги - чтобы расчистить всё то, что разделяет нас, что не даёт нам просто принять

друг друга, какими мы есть. Вы можете себе представить, если бы все, кто здесь присутствуют, вдруг сделались нормальными и правильными, какими скучными мы бы стали?..

Упаси, Господи! Бог посылает мне психопатов. Обожаю это! Ни что не сравнится с телефонным звонком в два часа ночи... Я помню, как мне позвонил один дурик: «Я стою

возле дома этой стервы... Я сейчас сплю эту халабуду к чертям собачьим!» У меня даже не было времени продумать ситуацию. Да и как можно быстро решить что-либо спросонья, в два часа ночи? Я имею привычку: первое, что я делаю, когда проснусь – это молюсь. Так было и в этот раз. И я услышал, как из моего рта вылетели такие слова: «Сукин сын, ты разбудил меня и всю мою семью, чтобы рассказать то, о чём мы могли спокойно прочесть в утренней газете?! Не вздумай делать этого, если не знаешь, что

за этим последует». В 7:30 утра этот громила приплёлся к нам домой и стал извиняться передо мной, всеми семьёю детьми и перед моей женой. Я не знаю, чем заслужил это.

Сам бы я никогда не смог придумать такого.

У меня осталось несколько минут, чтобы рассказать вам то, с чего мне бы следовало начать. Мой отец умер год назад в марте. Это была хорошая смерть. После пары дней мы попросили отключить все трубки и провода системы поддержки. Мы знали, что он устал и хочет спокойно уйти. Я называю это хорошей смертью потому, что вся семья была

в сборе. В семье к тому времени снова сложились прекрасные отношения. И потому, что у взрослых было правильное понимание жизни и смерти, мы смогли помочь нашим малышам, которые не понимали, что происходит с бабушкой. А главное, что все мы были вместе. И мы просто ждали, чтобы он ушёл, когда ему будет угодно. Он так и сделал.

А меня глубоко взволновало, что получилось именно так, как я предполагал: мне больше нечего было сказать моему отцу. Всё уже было сказано. Мне не нужно ходить к нему

на могилу и просить у него прощения за то, что я не успел что-то сделать, или что-то сказать... Потому что когда я пришёл к нему, чтобы исправить свою вину перед ним,

он сказал мне, что я должен сделать. Я начал выкладывать ему всё начистоту, а он сказал: «Всем этим ты только снова причинишь мне боль. Нам придётся начать всё по-новому

с этого места». Мы так и сделали. Мы начали сначала. И постепенно, день за днём, мы выстраивали наши отношения, пока они полностью не сформировались. Между нами не осталось недоговорённости. Однажды я пришёл к нему в офис. Мой отец рос во времена депрессии и поэтому был человеком сдержанным. Он был любящим, но редко прикасался.

И я, поймав его в дверях так, что ему некуда было деваться, сказал: «Пап, мне надо сказать тебе кое-что. У меня в жизни было три героя. И ты один из них». Мы оба расплакались и обнялись. А спустя пару недель, я, уходя, обнимал на прощание свою маму, и отец, стоя рядом, вдруг спросил: «А как насчёт меня?» Это гораздо больше, чем не пить и ходить

на собрания. Много больше.

Разумеется, всякое бывало... Ему запретили водить машину потому, что у него стало совсем плохо со зрением и с рефлексами. Однажды он позвонил мне, а я на тот момент был весь из себя деловой. У меня поездки, встречи... я занят. А он мне говорит: «Слушай, ты бы не мог сделать мне одолжение? Мне надо съездить в пару мест». Я ответил: «Конечно, не проблема», хотя особого настроения у меня не было. Но ответить по-другому я не мог. Как оказалось, у него была карта одного из сетевых магазинов электроники, по которой, если он туда приедет, ему дадут бесплатную батарейку. Этих магазинов в округе было несколько, и в каждом из них он мог получить по батарейке. Это обернулось двухчасовой поездкой. И я был раздражён таким занятием, пока до меня вдруг не дошло, что Бог открывает мне настоящую суть происходящего, если я готов прислушаться к Нему. Я перестал сердиться, когда понял, что мне дана возможность провести два часа с моим отцом. И я неожиданно осознал, что пройден полный круг. Ведь в своё время, когда я был маленьким, мне тоже не разрешали водить машину. Как-то раз у меня сломалась любимая игрушка, и он, вместо того, чтобы зарабатывать деньги, ушёл с работы, и повёз меня чинить эту «очень важную штуковину». Жизнь всегда проходит полный круг, если дать ей сделать это.

Мне было сказано, что, исправляя свою вину, я никогда и ни при каких обстоятельствах не говорю: «Извините меня». У меня нет такого права. Мой спонсор сказал: «Ты всю свою жизнь только и делал, что извинялся». Он помог мне освободиться, несмотря на то, что я находился в тюрьме. Я действительно почувствовал себя свободным, словно парю

в воздухе. Потому что я готов посмотреть в глаза любому человеку на земле и, если я причинил вам хоть какой-то ущерб, скажите, что я должен сделать и мы уладим это.

Я ни перед кем не стелюсь. Но всё, что требуется для того, чтобы исправить свою вину я сделаю. Когда появляется такое отношение, мы становимся хорошими слушателями.

Это то, что позволило мне исправить вину перед моей матерью. Вы же помните, в какое положение я поставил её на Рождество, когда она была вынуждена сказать, что я не могу больше появляться у неё дома. Как исправить такое? Это не исправить. Но я вынес из этого хороший урок. Только через 4 года после того, как я протрезвел, у меня появилась возможность сделать Девятый Шаг моей маме. Выслушав меня, она сказала: «Дорогой мой, я всегда хотела только одного – чтобы ты был счастлив». С тех пор я уже 27 лет езжу к маме только счастливым. Регулярно. И здесь очень важным является именно то, что я езжу к ней регулярно.

Речь идёт о том, чтобы измениться. На меня нельзя было положиться. Теперь можно. Это дела духовные... Вы когда-нибудь общались близко с духовными людьми? Они вызывают раздражение. Они говорят тебе, что именно собираются делать... а потом делают именно это! Они сразу скажут тебе, что именно они отказываются делать... и ты их не заставишь

и не уговоришь! Они всегда и везде вовремя. Это ведь разозлит кого угодно!

Я на днях повёз одного своего подспонсорного в известный у нас в Денвере итальянский ресторан «Дариос». Там всегда полно народу. Поставить машину негде – стоянка вечно забита. Мы подъехали к ресторану и вдруг, у самого входа кто-то выехал, и для нас освободилось место. Мой подспонсорный сказал: «Глянь, как здорово, Бог дал нам место

на стоянке!» Я ни на секунду не верю в это. Просто мы были *вовремя*. Если бы мы приехали на минуту раньше, машина, которая выехала, ещё стояла бы там. На минуту позже –

и тот, кто ехал впереди меня занял бы это место. Мы были вовремя. Я обожаю быть вовремя. Это единственное время, когда что-то происходит. В противном случае – это или

вот-вот будет, или уже было. Но когда мы вовремя – происходит всё лучшее.

Моя семья теперь единое целое. Это чистая правда. Мои мальчишки не звонят мне уже два года. Мы помирились, но по каким-то причинам они не звонят. Ну что ж... я сделал всё, что мог. Чак Ч. однажды сказал: «Мы ничего не можем сделать по поводу той боли, которую мы причинили нашим детям. Это уже сделано». Единственное, что я могу сделать,

это создать место, где они, как и мы, могут выздороветь. Это место называется домом. И мы живём в таком месте уже почти 22 года. Мои дочери выросли. Одна из них работает биологом и бегает за мальчишками. А другая... уже поймала своего. И теперь у нас по дому носятся малыши. Я обожаю, когда рядом детишки. Обожаю. Я *слышу* маленьких детей. Они правдивы. В них нет притворства. Я недавно возился с водопроводом под раковиной на кухне. Сзади подошла моя полутораговая внучка: поковырялась в инструментах, покудахтала мне... Я сделал, как она сказала и теперь труба не течёт.

Мне когда-то было сказано, что меня больше никогда не подпустят к моим детям. Мне также сказали, чтобы я даже не пытался предпринимать что-либо по этому поводу. Но мне вернули их, когда, будучи два с половиной года трезвым, я работал управляющим в доме для выздоравливающих алкоголиков и наркоманов. Сегодня у меня шесть внуков.

В результате я теперь работаю в исправительном ведомстве. Я проработал у них 2 года, живя в Северной Каролине. А сейчас продолжаю работать на ту же организацию

в Денвере, координатором по судебным делам, связанным с наркотиками. Я теперь провожу больше времени в тюрьме, чем когда я мотал срок. Это к разговору о том, как меняется наше отношение к вещам: когда-то я лежал на нарах и думал, как бы мне выбраться отсюда, а теперь я часто думаю, как мне попасть в ту или иную тюрьму. Меня наконец-то научили, как надо одеваться. И вот недавно утром я стою, весь из себя разодетый – в костюме, при галстукe - потому, что у меня была встреча с судьёй. Мне надо было объяснить ему кое-что. А если собираешься предстать перед судьёй, то желательнo хорошо выглядеть. Я был уже у двери, и тут моя дочь дала мне на руки малышку. А та взяла и отрыгнула на меня. Мою обычную реакцию, когда люди блюют на меня, нельзя назвать положительной. Но тут я вдруг подумал: «Как это здорово. Они доверяют мне своих крошек».

У нас с вами здесь тоже есть младенцы. Они приходят к нам новенькими, рождёнными заново, не знающими, что им делать. Будьте осторожны с ними. Не покидайте их, ведите их. Вот что я вам скажу: вы можете доверить мне своих малюток. Я никогда ни при каких обстоятельствах не причиню им боли. И мне надо точно знать, что я могу доверить вам своих деток. Потому что во многом я и сам маленький ребёнок. Мне необходимо знать, что я могу доверять вам. И я полностью доверяю вам. Но, пожалуйста, не причините боль моим детям. И я обещаю, что никогда не сделаю больно вашим.

Теперь расскажу вам про своего брата, и мы отправимся веселиться по домам. Не знаю, как вы, а я пойду домой веселиться. У меня ведь есть дом!

Иногда занимает долгое время, чтобы исправить то, что мы натворили. Ведь речь идёт о том, чтобы выпрямить кривую линию прошлого, а не о том, чтобы извиняться.

Мы совершали такие поступки по отношению к людям, после которых трудно представить, что с нами вообще захотят разговаривать. Я, признаться, и не ожидал, что со мной станут беседовать. Так вот, мой брат был одним из таких людей. Дай Бог ему здоровья. Он чудесный человек. В детстве я был для него героем. А потом он видел, как меня забрали в тюрьму, когда мне было 19 лет. Я разрушил его идеал. Он видел, какую боль я причинил всем остальным членам нашей семьи. И он не мог понять этого. А кто мог?

Поэтому, когда я вернулся из тюрьмы и стал строить свою жизнь заново, он долго и внимательно наблюдал за мной. Знаете, мы много говорим, но нам следует помнить, что люди следят за нашими действиями. Я хочу жить так, чтобы можно было увидеть Большую Книгу прежде, чем я начну говорить о ней. Это самое трудное. Я могу говорить красивые слова, стоя тут перед вами или на собрании. А вот как я поведу себя завтра утром на работе, если вдруг получу втык за то, что кто-то не сделал своё дело? Как я с этим справлюсь?

Только через 22 года мой брат, наконец-то, пришёл к нам домой на ужин. И когда мы закончили, он сказал: «Я не уверен, что мы с тобой когда-нибудь сможем быть друзьями».

Но сегодня получился хороший вечер. Мы могли бы так собираться иногда». Вот, как открылась дверь.

Живя в Северной Каролине, я регулярно навещал своих родителей. Настоятельно рекомендую вам быть регулярными в своём поведении. Как-то раз я сидел у них и пришёл

мой брат. Он сел напротив и вдруг, хлопнув меня по ноге, воскликнул: «Дон, я чертовски рад тебя видеть!» Он был удивлен тому, что обрадовался, увидев меня. Для него

это было что-то новенькое. Он сказал: «Слушай, в следующий раз, когда ты здесь будешь, давай съездим с тобой на рыбалку». Я вскоре вернулся, и мы поехали с ним в маленький коттедж на берегу озера. Мы практически не рыбачили. Мы играли в карты и долго-долго разговаривали... В тот день он сделал мне самый ценный подарок из всех, которые бывают. Он поведал мне, каким он сам себя видит. А этим не делятся, с кем попало. Он сказал мне: «Дон, я хочу, сказать тебе одну вещь. Мне 56 лет и я считаю, что внёс достойный вклад в эту жизнь». Это было большим подарком для меня. Особенно потому, что много лет я пытался сказать о своих чувствах к вам. И я рассказывал вам разные истории, стараясь донести до вас то, что я чувствую на каких-то примерах. Но, спасибо моему брату, теперь я знаю, как сказать об этом.

Мне 64 года. И благодаря вам я смог сделать достойный вклад в эту жизнь. Спасибо!

Примечания автора:

* «мёртвым грузом» в американском АА часто называют людей, которые только приходят на собрания и ничего другого по программе не делают.

** федеральными полицейскими называют тех, кто служит в ФБР. Под их юрисдикцию попадают те, кто совершают преступления больше, чем в одном Штате, или же те, кто являются особо опасными преступниками.

*** Хамфри Богарт (1899-1957) – известный американский актёр.

**** речь идёт о медали «Пурпурное Сердце» (англ. Purple Heart) — военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

***** в данном случае - то же самое, что «тимуровец».

***** Энн Рипли Смит (1881-1949) – жена доктора Боба.